

07.00.02. Отечественная история
УДК 297.17
DOI 10.22311/2074-1529-2022-18-1-133-146

Д. З. Хайретдинов
Московский исламский институт, г. Москва

ДРАМА ЛОКАЛЬНОГО МАСШТАБА (ЭПИЗОД ИЗ ЖИЗНИ ТАТАРСКОЙ СЛОБОДЫ Г. МОСКВЫ СЕРЕДИНЫ XIX В.)

ХАЙРЕТДИНОВ Дамир Зинюрович —
канд. ист. наук, рук. Центра исламских исследований.
Московский исламский институт
(109382, Россия, г. Москва, пр. Кирова, д. 12).
E-mail: khair2009@yandex.ru

Аннотация. В статье рассказывается об эпизоде из жизни Татарской слободы Москвы, случившемся в 1841–1842 гг. и связанном с кражей из дома лидера татарской общины, купца Макая Абдулова. Затрагиваются темы существования в Москве татаро-мусульманской (обособленной этноконфессиональной) общины, жизни мечети в Замоскворечье и роли имамов; бытовой жизни москвичей середины XIX в.; вопросы крещения мусульман. В научный оборот впервые вводятся не публиковавшиеся до сих пор документы Центрального государственного архива Москвы и Национального архива Республики Башкортостан.

Ключевые слова: Москва, татары, мусульмане, Татарская слобода, имамы.

Для цитирования: Хайретдинов Д. З. Драма локального масштаба (Эпизод из жизни Татарской слободы г. Москвы середины XIX в.) // Ислам в современном мире. 2022; 1: 133–146;

DOI 10.22311/2074-1529-2022-133-146

Статья поступила в редакцию: 09.01.2022

Статья принята к публикации: 09.03.2022

Множество документов, освещающих жизнь Татарской слободы Москвы, все еще ждет своего исследователя. Однако главная проблема, связанная с этими документами, заключается в том, что они хранятся в самых разных фондах многих архивохранилищ Москвы, Уфы, Санкт-Петербурга и других городов и всей нашей огромной страны, причем большая часть этих документов даже не обнаружена. Основой для написания настоящей статьи послужили новоявленные и ранее не упоминавшиеся в научных публикациях источники из ряда российских государственных архивов.

Татарская слобода, располагавшаяся в течение многих веков в восточной части Замоскворечья — уникальное историческое и этнокультурное явление. Проживавшие в ней мусульмане — татары поволжские, крымские, литовские, бухарцы, кокандцы, турки и представители других народов — находились в самом центре российского суперэтнуса (по определению Л. Н. Гумилева), ядром которого была и остается русская нация. Следовательно, в каждом поколении представителям названных этносов нужно было прилагать немало усилий, чтобы не ассимилироваться в этом «плавильном котле». И демографическая ситуация, и нацеленность на государственно-церковный симбиоз в Российской империи, и консервативный культурно-религиозный жизненный уклад москвичей оказывали сильнейшее влияние на представителей других этносов и религиозных общин, шансы которых сохранить свою самобытность в российских городах были минимальными. Несмотря на указанные факторы, различные этноконфессиональные общины продолжали свое медленное, малозаметное для других развитие в некоем «автономном режиме». Например, в Москве в течение нескольких столетий, вплоть до XX века, существовали Немецкая, Грузинская, Мещанская (белорусская), Рогожская старообрядческая слободы. Особенностью Татарской слободы было то, что она географически располагалась ближе к центру Москвы по сравнению с названными (ныне — в пределах Садового кольца в отличие от всех перечисленных), а с точки зрения времени возникновения она была намного древнее других иноземных слобод. Общинным центром этой слободы была мечеть на Большой Татарской улице 1823–1825 гг. постройки (ныне известна под названием Исторической мечети), а в роли «хранителей» духовности, обрядов и традиций выступали ее имамы.

При всем пиетете перед этими религиозными деятелями, заметим, что движущей силой общины являлись купцы. Одним из ярких лидеров татарской общины начала XIX века являлся выходец из купцов города Малмыжа Вятской губернии¹ Макай Абдулов (1778–1848),

¹ Ныне райцентр Кировской области.

приписанный к московской купеческой гильдии в 1810 г.¹ Он торговал шальями и другими восточными товарами, проживал то в наемном доме в Мясницкой части, то в собственном доме в Татарской слободе в Пятницкой части, в некоторые периоды жизни имея здесь по два-три дома. В 1815 г. Московское купеческое общество избрало его смотрителем (с правом доклада в Московской городской думе) за торговлей бухарцев, татар, персиян и прочих людей (читай: восточных купцов), торгующих шальями и материями, так как многие из них не платили податей и не имели собственных или наемных лавок².

Макай Абдулов являлся первым подписантом письма на имя императора Александра I от августа 1816 г. с просьбой разрешить построить мечеть в Татарской слободе, а в марте 1817 г. он объявил об отказе «построить или нарочно прикупить для мечети дом без приличного по обряду нашему признака», то есть без минарета. Обер-полицмейстер Москвы А. С. Шульгин указывал генерал-губернатору графу А. П. Тормасову в октябре 1816 г., что богослужения мусульман в Татарской слободе в отсутствие постоянной каменной мечети проводятся в частных домах купцов Макая Абдулова и Абдул-Карима Исакова, причем без какого бы то ни было «дозволения»³.

В 1816 г. у М. Абдулова было четыре жены, а на момент смерти в 1848 г. — восемь сыновей⁴. В 1819 г. одна из жен Макая Абдулова — Росла Юсуповна, не имевшая детей, скончалась в возрасте 43 лет; по ее устному завещанию ее дом с большим участком⁵ на Татарской улице был передан в качестве *вакфа*⁶ мусульманской общине, но с отсрочкой в 10 лет, в течение которых управление домом осуществлял муж покойной. Возможно, обладание этой недвижимостью как-то помогло М. Абдулову во время грандиозного скандала 1827–1828 гг., когда почти все татарские и бухарские купцы Москвы оказались втянуты в спор вокруг капитала миллионера бухарца Назарбая Хошалова, который предъявил Абдулову претензии на сумму в 29 тысяч рублей, а последний представил свидетелей и документы об уплате денег⁷.

В 1830 г. «общество Московской Татарской слободы предъявило права мечети на означенный [*вакуфный*] дом», но купец нашел несколько

¹ Материалы для истории московского купечества. Т. 5. М., 1887. С. 160; Т. 6. М., 1887. С. 214.

² Материалы для истории московского купечества: Общественные приговоры. Т. 2. М., 1892. С. 47.

³ Центральный государственный архив Москвы (ЦГАМ). Ф. 16. Оп. 6. Д. 2442. Л. 2, 6, 21–21 об.

⁴ Материалы для истории московского купечества. Т. 7. М., 1888. С. 215; Список купцов города Москвы, объявивших капиталы на 1830 год, с показанием имеющегося при них семейства, чем торговлю производят и где жительство имеют. [М.: Б. и., 1830]. С. 69.

⁵ Размеры участка 16 x 34 сажени (34 x 72 метра) можно сравнить с размерами землевладения, где располагалась сама Замоскворецкая мечеть: 15 x 30 сажений (32 x 64 метра).

⁶ От араб. *вакф*, или *вакуф*, — недвижимое имущество, принадлежащее мусульманской общине, мечети, медресе и т. д., служащее для извлечения прибыли на содержание религиозных объектов.

⁷ ЦГАМ. Ф. 54. Оп. 175. Д. 1541. Л. 357–358 об.

юридических доводов в пользу своих прав на это здание и землю. Тяжба с участием московского Магистрата, Московской гражданской палаты и даже Правительствующего Сената тянулась более 10 лет. Наконец решением Сената «означенный [вакуфный] дом был обращен в собственность мечети Московского Татарского общества», а предыдущие «решения судебных мест как неправильные — уничтожены». Однако сразу после поступления *вакуфного* дома в ведение московского имама Рафика Агеева в конце 1840 г. он был вынужден заключить договор аренды все с тем же Макаем Абдуловым с целью содержания недвижимости и получения с нее хоть каких-то доходов¹.

А в следующем, 1841 г. в семье Макая Абдулова случилась драма, которая значительно повлияла на его статус неофициального лидера мусульманской общины Москвы. Прочитируем документ, сохранившийся в Центральном государственном архиве Москвы (ЦГАМ): «Живущий в Пятницкой части московский купец Макай Абдулов 24 июня 1841 г. представил в частный дом сына Абубакира Абдулова 18 лет», который «находился в отлучке [из дома] три дня и с товарищем своим: Нижегородской губернии Васильского уезда деревни Базловой² татарин Мухаммед-Шарифом Байтамировым» украл у отца медный чайник, кувшин, мерлушечью шубу и прочие малоценные предметы утвари, затем молодые люди продали их «на площади в Городской части неизвестным людям».

Обоих правонарушителей — 18-летнего купеческого сына Абубакира и 20-летнего крестьянина Мухаммед-Шарифа — поместили в тюремный замок. Началось расследование. А. Абдулов пояснил, что его другу понадобились деньги для продления паспорта на жительство в Москве, срок которого закончился три месяца назад, вот он и привел его к отцовскому дому, причем сам он ничего не воровал, а просто стоял на страже. Ну, а М.-Ш. Байтамиров ни в какую не сознавался в краже, сказав, что не виделся со своим товарищем более месяца; на вопрос же о месте жительства и роде занятий пояснил, что «при матери своей не живет и приходит ночевать в пустую мечеть (!), а днем торгует мылом»³.

Малочисленная татарская община (согласно данным полиции, в 1841 г. в Москве проживало магометан: 152 мужского пола, 106 женского пола, итого 258 человек⁴), которая имела тогда — как и большинство жителей Замоскворечья — довольно консервативные устои, была

¹ Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф. И-295. Оп. 3. Д. 1614. Автор приносит свою благодарность имаму Исторической мечети Москвы Рамилю-хазрату Садекову и председателю Религиозного общества мусульман Исторической мечети Москвы Ахмеду Закирову за их любезное предоставление копии этого документа.

² Ныне с. Базлово Спасского района Нижегородской области.

³ ЦГАМ. Ф. 32. Оп. 2. Д. 1287. Л. 3–4.

⁴ Отчет московского обер-полицмейстера за 1841 год. М., 1842. С. 6.

шокирована этим инцидентом. Сын купца 2-й гильдии оказался вором, а его товарищ и вовсе представил мечеть каким-то бесхозным ночным притоном! Общественный приговор двенадцати самых уважаемых членов общины относительно обоих возмутителей спокойствия был одинаков: «недоброго поведения», — заявил о них мулла Рафик Агеев, а остальные собственноручно написали по-татарски: «*яман кеше*», что в переводе означало «худого поведения». Имам Р. Агеев увещевал виновников скандала, а также был свидетелем во время очной ставки между ними — ведь показания подозреваемых не совпадали. Одним из результатов беседы Р. Агеева с М.-Ш. Байтамировым стало изменение показаний молодого человека: «Припомнил я, что в мечети не ночевал ни одного разу»¹. Кстати, задержанных по этому делу мещан и крестьян (православных), которые купили у Абубакира и Мухаммед-Шарифа украденную утварь и были разысканы по их описаниям, также увещевал священник.

Общая сумма украденного оценивалась примерно в 45 рублей ассигнациями; для сравнения, в качестве оплаты за аренду квартиры в многоквартирном наемном доме в престижной Мясницкой части Москвы татарские купцы платили по 50 рублей в месяц². Купец Макай Абдулов в гневе просил отдать своего сына в солдаты, то есть готов был спроводить его из дома на 20 лет! Однако вряд ли этот порыв возмущения был справедлив — согласно источникам, Абубакир с детских лет рос без матери, а значит, ответственность за его воспитание полностью лежала на плечах отца.

Мать Абубакира, четвертая жена Макая Абдулова — Махфируз Хаметовна³ — была дочерью купца Хамета Абу-Бакировича Акбулатова. В начале XIX в. она владела (возможно, благодаря отцовскому капиталу) огромным земельным участком (в 2,5 раза больше, чем домовладение Рослы Юсуповны Абдуловой) с несколькими домами на той же Татарской улице, к северу от Озерковского переулка⁴. Затем эту землю супруги продали и взамен приобрели еще больший участок по соседству

¹ ЦГАМ. Ф. 32. Оп. 2. Д. 1287. Л. 17 об., 22, 26–37.

² Так, в 1827 г. купец Хасан Мангушев являлся одним из 13 жильцов в доме купца Назарбая Хошалова в Мясницкой части, внося в качестве оплаты проживания сумму в 600 рублей в год. См.: ЦГАМ. Ф. 54. Оп. 175. Д. 1541. Л. 459.

³ Махфируз (также: Маг-Ферус, Махферус, Маги-Ферус, Макфирус) Хаметовна Абдулова (1800–1830), 4-я жена купца Макая Абдулова. В браке родились Абубакир (Абу-Бакир) 1823 г. р., Мирсаид 1825 г. р. и дочь Мугалия 1814 г. р. См.: Материалы для истории московского купечества. Т. 5. С. 160.

⁴ Алфавитные списки всех частей столичного города Москвы домам и землям, равно казённым зданиям с показанием, в котором квартале и на какой улице или переулке состоят. М.: Тип. Селивановского, 1818. 1 т. Пятницкая часть; План Столичного города Москвы с показанием проектов площадям и улицам, существующим и вновь предполагаемым. Сочинен в Комиссии для строений в Москве, с границами дворовым местам, значащимся под номера. 1817 года; Центральный архив научно-технической документации Москвы (ЦАНТД). Ф. 1. Оп. 1. Д. 475. Пятницкая ч., вл. 252 н. / 263.

с Замоскворецкой мечетью. Однако в возрасте 30 лет Махфируз Хаметовна скончалась. Ее сыну Абубакиру было тогда всего 7 лет. С учетом того, что у Макая Абдулова были еще две супруги и многочисленные дети, не ошибемся, если скажем: Абубакир вырос без должного родительского участия и любви.

Еще сложнее была семейная ситуация у Байтамирова. Родился он в Москве, «в Татарской слободе», но своего отца, Алтынбая Байтамирова, практически не знал: тот постоянно проживал в деревне Базлово Нижегородской губернии, куда сын приезжал мальчиком лишь однажды всего на три месяца. Мать, Бадигуль-Джамаль, проживала в Мясницкой части в дешевом наемном помещении и зарабатывала на пропитание самой тяжелой работой, чтобы вырастить сына и дочь, так как денег от мужа почти не получала. В 1837 г., когда несовершеннолетняя сестра Мухаммед-Шарифа Биби-Фатима была выдана замуж, их отец даже не появился в Москве, а доверил связанные с этим хлопоты местному купцу Умару Хасановичу Мангушеву¹. Фактически Мухаммед-Шариф не был никаким крестьянином, хотя и оставался приписанным к отцовской деревне. Очевидно, что он перебивался случайными заработками; удивительно также, что молодой человек вообще поддерживал общение в татарском кругу Замоскворечья, а не предпочел ему общество многочисленных русских соседей, живших неподалеку. Вероятно, ни он сам, ни его мать не относились должным образом к содержанию в порядке документов, результатом чего и стал просроченный либо потерянный паспорт.

Прежде чем поведать читателям о дальнейших перипетиях этого дела, обратим внимание на мелкие детали, проясняющие отдельные стороны жизни московских татар. Например, на требование полиции представить документы или записи о рождении заключенных молодых людей имам дал сведения, что «метрические книги для записи рождающихся магометан повсеместно заведены с 1829 года, а до того оных не существовало». Отметим, что самая ранняя, датируемая 1836–1840 гг., метрическая книга московских мусульман, которую вел имам Рафик Агеев, сохранилась в Центральном Государственном архиве Москвы; она была изучена нами более 20 лет назад². При этом Макай Абдулов вел домашние записные книги, где и была зафиксирована дата рождения Абубакира — 5 июня 1823 г.³ Что же касается М.-Ш. Байтамирова, ни он сам, ни его мать не имели точного представления о его возрасте и дате рождения.

¹ ЦГАМ. Ф. 2200. Оп. 1. Д. 1. Л. 33 об. Анализ этой доверенности, которую написал мулла с. Камкино Нижегородской губернии Ф. Аминов, см.: *Хайретдинов Д. З.* Мусульманская община Москвы в XIV — начале XX в. Нижний Новгород, 2002. С. 233–234.

² *Хайретдинов Д. З.* Мусульманская община Москвы в XIV — начале XX в. С. 121–128.

³ ЦГАМ. Ф. 32. Оп. 2. Д. 1287. Л. 18, 122.

Интерес для исследователя представляет информация о других, помимо вышеназванных, лидерах татаро-мусульманской общины Москвы того периода. Например, при полицейском расследовании дела русско-татарский перевод документации производился официально — его осуществлял, хотя и с большими ошибками в русском, «переводчик азиатских языков при Московской Управе благочиния» князь Тагир Мухамедов Яушев. Он несколько раз упомянут на страницах той самой метрической книги Замоскворецкой мечети, в том числе в 1838 г. в качестве жениха (женился на дочери московского мещанина Даулят-бая Абдулова), там же указано его происхождение: «Казанской губернии и уезда деревни Старый Менгер¹ земледелец из мурз князь Яушев Тайр Мухамятов»².

Сведения у матери М.-Ш. Байтамирова отбирали в присутствии Акмамета Ибрагимова, он же Ахмамет Ибрахим углы, который указан в документах 1841 г. как «правлящий должность имама» (татар. *имам хэзмәте итеп торучы*)³. Известно, что он был из числа коренных московских татар, проживавших в Татарской слободе Замоскворечья еще в конце XVIII в. и не входивших ни в мещанское, ни в купеческое сословие⁴. Возможно, его статус временного имама объясняется отлучкой из Москвы или болезнью Рафика Агеева.

Приведем также текст клятвы и имена свидетелей (жителей Татарской слободы) (Табл. 1), которые под этой клятвой давали свои показания о совершивших кражу молодых людях. Аналогичная клятва для православных свидетелей печаталась в типографиях и была широко распространена в делопроизводстве той эпохи, а вот магометанская клятва на русском языке представляла собой экзотический документ (и потому была написана от руки), так как в регионах компактного проживания мусульман для такого рода бумаг использовался татарский язык, ведь мусульмане Российской империи середины XIX в. плохо владели русским языком.

«Клятвенное обещание»

Я, нижеименованный, пред Ал-Кораном Всемогущаго, не имеющаго Себе равного, Великого Бога, клянусь, что всё, о чем у меня спросят, несмотря ни на дружбу, родство, свойство, вражду, корысть и страх, без потворства какой-либо стороне, без участия прибавления и умаления, и без утайки — с точностью покажу и скажу самую сущую правду, дабы

¹ Ныне с. Старый Менгер Агинского района Республики Татарстан. Известно как родовое село татарских мурз Яушевых из числа арских, или каринских князей.

² Хайретдинов Д. З. Мусульманская община Москвы в XIV — начале XX в. С. 136, 193.

³ ЦГАМ. Ф. 32. Оп. 2. Д. 1287. Л. 118, 123.

⁴ Наряду с другими коренными московскими татарами Акмамет Ибрагимов упомянут в документах 1810–1811 гг., когда они просили причислить их к мещанскому сословию. См.: Материалы для истории московского купечества: Общественные приговоры. Т. 1. 1892. С. 463–464.

на Страшном Суде всеобщаго Воскрешения мира пред самим Всемогущим Богом с чистым лицом возмог дать ответ в оной. Билляхи, валлахи, таллахи¹ буду отвечать по справедливости и покажу сущую истину. После каковой моей присяги целую слова Ал-Корана, аминь, о Господь миров».

К присяге приводил соборный имам мулла Рафик Агеев. Далее каждый свидетель самолично расписывался по-татарски, начиная свою подпись со слов «*ант иттем*» (принес клятву)².

Таблица 1. Имена свидетелей из жителей Татарской слободы и их сословная принадлежность

Сословие свидетеля	Имя свидетеля
московский купец	Абдул-Карим Хурамша углы Исаков
московский мещанин	Абдус-Салям Хурамша углы Исаков
купеческий сын	Абдур-Рахим Абдул-Карим углы Исаков
–	Мухаммед-Али Ибрахим углы Асанов
–	Абидулла Хан-Тимер углы
московский мещанин	Хисамутдин Рамазанов
–	Мухаммед-Яр Ибрахим углы Асанов
–	Фахретдин Мунасиб углы [Акмаев]
московский мещанин	Шахи-Ахмед Абдус-Салям углы [Исаков]
московский мещанин	Давлет-Яр Мустафа углы Ишимбаев
московский ямской татарин	Таджутдин Мунасиб углы Акмаев

Вернемся к процессу над нашими «героями». Поскольку все свидетели из числа жителей Татарской слободы, включая имама, показали, что оба молодых человека «худого поведения», а более всех разгневан был отец Абубакира, они решили порвать со своей общиной: «Байтамиров и Абдулов объявили желание креститься и присоединиться к Православной церкви»³. Церковь, как известно, никогда не отказывалась от

¹ Три ритуальные клятвенные формулы по-арабски с общим смыслом «клянусь Аллахом».

² ЦГАМ. Ф. 32. Оп. 2. Д. 1287. Л. 25–37.

³ ЦГАМ. Ф. 32. Оп. 2. Д. 1287. Л. 90.

Рис. 1. Оригинал клятвенного обещания на русском языке

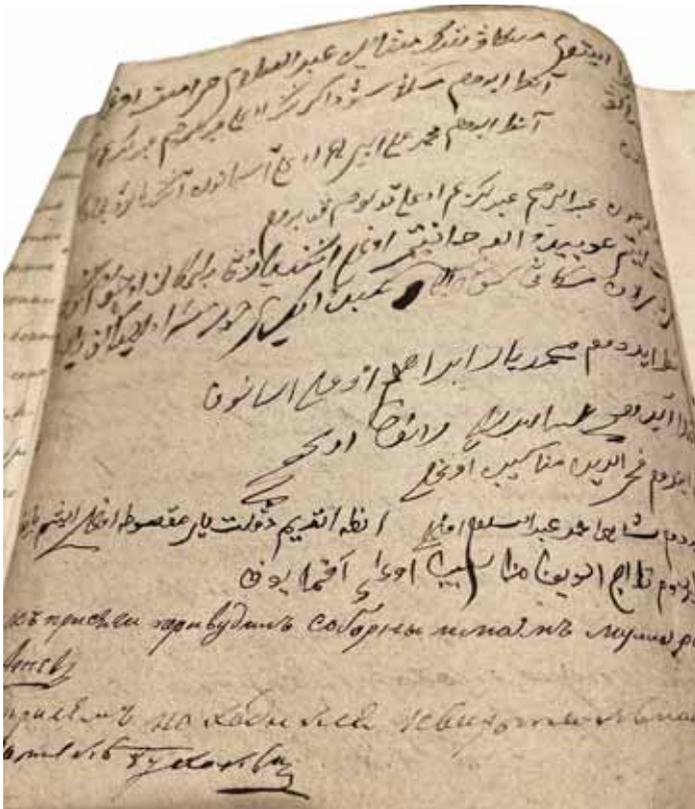

Рис. 2. Подписи свидетелей из жителей Татарской слободы, поставленные под клятвенным обещанием

«спорадических попыток христианизации»¹ мусульман; такая политика проводилась и в Москве, где основным контингентом для обращения в православие являлись как раз арестанты². Митрополит Московский Филарет, известный своим исламофобским настроением³, в ответ на запрос Абдулова и Байтамирова потребовал от священников провести с ними душеспасительные и просветительские беседы, хотя ему сообщили о характере совершенного ими проступка. Молодых людей отправляли из одной тюрьмы в другую, так что они оказывались вне зоны доступа нужного священника, но в итоге спустя некоторое время разговор с православным пастырем все же состоялся. Испугавшись душевных мук, «Байтамиров и Абдулов в отобранном священником тюремного замка показании изъяснили, что они прежде сего пожелали принять христианскую веру **из страха к наказанию** [выделено мною. — Д. Х.], ныне же желают остаться в магометанском своем вероисповедании»⁴.

После расследования и проведенного суда над воришками в апреле 1842 г. был объявлен строгий приговор: купеческого сына Абубакира Абдулова «лишить доброго имени и наказать при полиции 9 ударами плетью, затем освободить»; крестьянина Мухаммед-Шарифа Байтамирова приговорили к высылке в деревню Базлово после 30 ударов плетью — причем не за воровство, а за просрочку или потерю паспорта⁵.

Макай Абдулов вследствие понесенных им моральных мучений уже к концу судебного расследования над сыном признавался в том, что постарел и оглох и даже якобы перестал понимать по-русски. Спустя несколько месяцев суровое сердце пожилого купца смягчилось: в июле того же 1842 г. он лично обратился к властям не отсылать Абубакира в солдаты, а «отдать ему онаго сына на поручительство с тем, что он за поведением его будет иметь строгий надзор». Московское купеческое общество, рассмотрев вопрос, разъяснило ему, что «лишение доброго имени воспрещает только определять к каким-либо должностям, требующим власти, доверия и почитания», но не лишает всех прав состояния и не исключает из купеческого сословия. Так что в итоге сын был отдан на поручительство отца «с тем, чтобы он за поведением его имел неослабный надзор, а о бывшей судимости его учинить где следует

¹ Малащенко А. В. Исламское возрождение в современной России. М.: Моск. Центр Карнеги, 1998. С. 25.

² См.: Хайретдинов Д. З. Мусульманская община Москвы в XIV — начале XX в. С. 140–141.

³ В сентябре 1823 г. в письме на имя генерал-губернатора Москвы князя Д. В. Голицына Филарет возмущался разрешением на постройку мечети в Замоскворечье: «Действительно ли от начальства на строение мечети дано позволение, и с таким ли обязательством, чтобы сего столь чуждого богослужения публичных оказательств, каков публичный крик [то есть азан. — Д. Х.], не было, согласно с известными секретными постановлениями о веротерпимости?» (ЦГАМ. Ф. 16. Оп. 4. Д. 316. Л. 4–4 об.).

⁴ ЦГАМ. Ф. 32. Оп. 2. Д. 1287. Л. 178–178 об.

⁵ ЦГАМ. Ф. 32. Оп. 2. Д. 1287. Л. 189 об.—190.

отметку»¹. Что стало в дальнейшем с молодыми людьми, совершившими столь возмутительное правонарушение — сказать трудно, так как их имена в документах более не встречаются.

Вероятно, одним из результатов этой драматической истории стало то, что договор найма *вакуфного* дома между имамом Рафиком Агеевым и купцом Макаем Абдуловым более не продлевался. Обязанности по сдаче дома в аренду легли на Р. Агеева, но он с ними не справился и в итоге предложил его продать, что и было исполнено в 1846 г.; капитал от продажи должен был приносить прибыль для содержания мечети².

Купец Макай Абдулов скончался в 1848 г. После него роль главы семейства перешла к его сыну от второй жены Салимы Ибрагимовны — Мир-Якубу Макаеву, 1823 г. р. (ровеснику Абубакира). Купец 3 гильдии, он являлся старостой Замоскворецкой мечети в 1850-х гг. при имаме Рафике Агееве. Он проживал в разные годы в Пятницкой части (в Татарской слободе) и в наемных домах в Мясницкой части города, являлся отцом многочисленного семейства³; упоминался в московских справочниках еще и в 1889 г.

В 1860 г. М.-Я. Макаев поссорился с руководством мечети из-за того, что деньги одного из меценатов были переданы в храм не через него, а посредством другого активиста прихода — купца Мухаммед-Рахима Абдул-Каримовича Исакова⁴. Вследствие этого он покинул пост старосты мечети. Вспыльчивость, настырность, завышенная самооценка (считал себя подлинным лидером общины) — эти качества, доставшиеся ему от отца, отчетливо проявились после смерти имама Рафика Агеева в конце 1867 г., когда мусульманская община Москвы раскололась в противоборстве за освободившуюся должность имама. Мир-Якуб тогда подписывал многочисленные обращения к властям в пользу кандидата Бедретдина Алимова, в то время как на эту должность претендовал и сын Рафика Агеева — Хайретдин Агеев. В той переписке упоминается и продажа *вакуфного* дома «мачехи Мир-Якуба Макаева», который был «пожертвован в пользу мечети и чрез продажу которого самая мечеть имеет поддержку»⁵. Итогом разделения общины стало появление в Москве Второго мусульманского прихода в северных районах города⁶. Впрочем, это уже совсем другая история...

¹ Материалы для истории московского купечества. Общественные приговоры. Т. 4. М., 1899. С. 305.

² НА РБ. Ф. И-295. Оп. 3. Д. 1614; Д. 4128. Л. 1.

³ Справочная книга о лицах, получивших на 1872 купеческие свидетельства по 1 и 2 гильдиям в Москве. СПб., 1872. С. 148.

⁴ НА РБ. Ф. И-295. Оп. 3. Д. 4128. Л. 20–20 об.

⁵ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 821. Оп. 8. Д. 1039. Л. 55–60.

⁶ Подробнее см.: Хайретдинов Д. З. История Второго мусульманского прихода Москвы и его предшественников. М.: ИД «Медина», 2019.

Источники и литература

Национальный архив Республики Башкортостан. Ф. И-295. Оп. 3. Д. 1614; Д. 4128.

Российский государственный исторический архив. Ф. 821. Оп. 8. Д. 1039.

Центральный архив научно-технической документации Москвы. Ф. 1. Оп. 1. Д. 475. Пятницкая ч., вл. 252 н. / 263.

Центральный государственный архив Москвы (ЦГАМ). Ф. 16. Оп. 4. Д. 316; Оп. 6. Д. 2442; Ф. 32. Оп. 2. Д. 1287; Ф. 54. Оп. 175. Д. 1541; Ф. 2200. Оп. 1. Д. 1.

Алфавитные списки всех частей столичного города Москвы домам и землям, равно казённым зданиям с показанием, в котором квартале и на какой улице или переулке состоят. М.: Тип. Селивановского, 1818. 1 т. (разд. паг.)

Малашенко А. В. Исламское возрождение в современной России. М.: Моск. Центр Карнеги, 1998. 222 с.

Материалы для истории московского купечества. Т. 5. М., 1887. [6], 414 с.; Т. 6. М., 1887. [6], 247 с.; Т. 7. М., 1888. [6], 257 с.

Материалы для истории московского купечества: Общественные приговоры. Т. 1. М., 1892. XXIV, 487 с.; Т. 2. М., 1892. XVI, 378 с.; Т. 4. М., 1899. XX, 467 с.

Отчет московского обер-полицмейстера за 1841 год. М., 1842. 117 с., III с., [6 л.].

Список купцов города Москвы, объявивших капиталы на 1830 год, с показанием имеющегося при них семейства, чем торговлю производят и где жительство имеют. [М.: Б. и., 1830]. 134 с.

Справочная книга о лицах, получивших на 1872 купеческие свидетельства по 1 и 2 гильдиям в Москве. СПб., 1872. 572 с.

Хайретдинов Д. З. История Второго мусульманского прихода Москвы и его предшественников. М.: ИД «Медина», 2019. 212 с.

Хайретдинов Д. З. Мусульманская община Москвы в XIV — начале XX в. Н. Новгород, 2002. 248 с.

References

Alphabetical lists of all parts of the capital city of Moscow (1818). Vol. 1. Moscow: Selivanovskiy.

Malashenko A. V. (1998). *Islamskoe vozrozhdenie v sovremennoj Rossii* [Islamic Revival in Russia Today]. Moscow: Carnegie Center, 1998. 222 p.

Materialy dlya istorii moskovskogo kupechestva [Materials on History of Moscow Merchants]. (1887–1888). Vol. 5. 414 p., Vol. 6. 247 p.; Vol. 7. 257 p. Moscow.

Materialy dlya istorii moskovskogo kupechestva [Materials on History of Moscow Merchants: Public Verdicts]. (1892–1899). Vol. 1, XXIV+487 p., Vol. 2. XVI+378 p., Vol. 4. XX+467 p. Moscow.

Report of the Moscow police master for 1841 (1842). III+117 p. Moscow.

List of Moscow merchants (1830). Moscow. 134 p.

Reference book on persons received merchant certificates for 1872 from the 1st and 2nd guilds in Moscow (1872). Saint Petersburg. 572 p.

Khairtdinov D. Z. (2002). *Musul'manskaya obshchina Moskvy v XIV — nachale XX v.* [Moscow Muslim Community of in the 14th–Early 20th Century]. Nizhny Novgorod. 248 p.

Khairtdinov D. Z. (2019). *Istoriya Vtorogo musul'manskogo prihoda Moskvy i ego predshestvennikov* [History of the Second Muslim Parish of Moscow and Previous Structures]. Moscow: Medina. 212 p.

A LOCAL DRAMA (AN EPISODE FROM THE LIFE OF MID-19TH CENTURY MOSCOW TATARS)

Abstract. The article deals with an episode from the life of Moscow Tatars in 1841–1842, associated with the theft from the house of influential Tatar merchant M. Abdulov. The main themes of research are Tatar Muslim (separate ethno-confessional) community in Moscow in general, and religious life in Zamoskvorechye district, role of imams, everyday life of mid-19th century Muscovites, cases of Muslims christianising, in particular. For the first time in Russian Muslim Studies the author uses some unpublished documents of the Central State Archive of Moscow and the National Archive of the Republic of Bashkortostan.

Keywords: Moscow, Tatars, Muslims, Tatar Sloboda, imams.

Damir Z. KHAYRETDINOV,

Cand. Sci. (Hist.), head of the Centre for Islamic Studies, Moscow Islamic Institute (12, Kirov Lane, Moscow, 109382, Russian Federation).

E-mail: khair2009@yandex.ru

